

Мясницкий Иван Ильич

Без языка

**Юмористическое путешествие Петра
Ивановича Таракашкина и Ивана
Петровича Букашкина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.85
ББК 75.81
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Без языка: Юмористическое путешествие Петра Ивановича Таракашкина и Ивана Петровича Букашкина / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 242 с.

ISBN 978-5-519-98450-8

ISBN 978-5-519-98450-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тилѣтнаго возраста, манною кашей начинается пичкать, а онъ за городомъ такія колѣна выкидываетъ, что молодому только въ пору.

— Ты нонче, отецъ, не въ духѣ, оттого и на сестрицу нападаешь.

— Я давно ужъ не въ духѣ.

— Вижу... Въ дѣлахъ, что ли, какая запятая выходить?

— Никакихъ запятыхъ, а такъ... меланхолія какая-то напала.

— Сама вижу, что меланхолія. Задумчивость въ тебя вселилась. И то не такъ, и другое не по характеру. Со мной говорить начнешь, первымъ долгомъ изыскиваешь причину, чтобы обругать за что ни попало.

— Меланхолія.

— Къ доктору бы съѣздишь. Можетъ-быть, онъ тебя какими-нибудь порошками покормитъ... веселыми...

— Это что за порошки такіе?.. веселые-то?

— Есть такіе. Сестрицѣ докторъ разъ такіе точно прописывалъ.

— Ну, твоя сестра и безъ порошковъ въ плясъ пойдетъ. А я вчера къ

доктору заѣзжалъ. «Поѣзжай, говоритъ, куда-нибудь для развлеченія».

— И чудесно. Поѣдемъ нонѣ въ «Эрмитажъ», а то въ «Чикаго».

— Изъ Москвы вонъ велить ѣхать. «Проѣзжайся, говоритъ, куда-нибудь недѣли на двѣ для разсѣянности,—всю дурь какъ рукой сыметъ. Засидѣлся, говоритъ, ты на своемъ Замоскворѣчьи, мохомъ сталъ обрастать... встряхнись», говоритъ.

— Ну, что жъ, это хорошо. Докторъ, по моему мнѣнію, правильно разсуждаетъ. Дѣйствительно, тебѣ здѣсь всякая морда надоѣла: и въ будни, и въ праздникъ, и утромъ, и вечеромъ все она передъ твоимъ носомъ торчитъ.

— И не столько мнѣ, мать, замоскворѣцкая морда надоѣла, сколь эта самая монотонность. Встанешь въ восемь, напьешься чаю, въ городъ отправляешься. Часа три въ лавкѣ проболтаешься—къ Арсентьичу или Тѣстови идешь. Отъ Тѣстова въ лавку, изъ лавки домой. Дома прозѣваешь часовъ до девяти, поужинаешь и спать. А на завтра тотъ же самый преискурантъ. Да такимъ родомъ подъ рядъ

пятьдесятъ лѣтъ. Поневолѣ обмеланхолишься.

— Поѣзжай, провѣтрись, а я за домомъ пригляжу. Къ братцу въ Харьковъ поѣзжай, оттуда съ нимъ, можетъ, въ Кіевъ махнешь.

— Былъ ужъ я въ Харьковѣ у брата и въ Кіевѣ.

— По Волгѣ проѣзжайся.

— Ъздили.

— Въ Крымъ протрясись.

— Протрясался. Ничего особеннаго.

— Куда же мнѣ тебя послать-то, я, ей-ей, ужъ и сама не знаю... въ Петербургъ нешто?..

— Вмѣстѣ съ тобой ѣздили... Нѣтъ, у меня сичасъ хорошій планъ въ головѣ, да не знаю, какъ его привести въ исполненіе.

— Какой?

— За границу махнуть.

— Ну тебя! Совсѣмъ ошалѣлъ со своей меланхоліей-то!—замахала на него руками супруга.

— Это то-есть почему же я ошалѣлъ?—обидѣлся Петръ Ивановичъ:—что я не такой человѣкъ, какъ и всѣ? Двѣ руки, двѣ ноги, одна голова...

— Пропадешь ты за границей, отецъ, честное слово, пропадешь.

— Не вижу къ этому никакихъ причинъ.

— Во-первыхъ, ты никакихъ заграничныхъ языковъ не знаешь.

— Компаньона найду.

— Во-вторыхъ, жизнь тамъ совсѣмъ на другой манеръ.

— Привыкну.

— Не привыкнешь. Знаю я тебя, слава Богу, достаточно со всѣхъ сторонъ. Сичасъ, первымъ дѣломъ, продравши глаза, ты чаю захочешь, а тамъ кофей.

— Къ кофею привыкну.

— А привыкнешь—поѣзжай... Шей захочешь, а тамъ супъ.

— И къ супу привыкну.

— А привыкнешь — поѣзжай. Богъ съ тобой. Мнѣ заграницы не жалко, а только насолить она тебѣ при твоёмъ характерѣ. Солонины съ хрѣномъ вдругъ пожелаешь... ну, гдѣ тамъ солонина, скажи пожалуйста? Биштексомъ тамъ хоть облопайся, а солонины не найдешь.

— И къ биштексу привыкну.

— Поѣзжай, ежели себя на лишеніе обрекаешь. Искусъ въ нѣкоторомъ родѣ на себя накладываешь... Квасу, на примѣръ, захочешь въ жаркое время, а тамъ его и дѣлать-то не умѣютъ.

— Это ты откуда знаешь?

— Нѣмку, которая у сестрицы въ боннахъ служить, спрашивала. Пива, говоритъ, у насъ сколько угодно, а квасу нѣтъ. А ты пива не можешь...

— На нѣтъ, мать, и суда нѣтъ. Захочешь пить — и пиво выпьешь. Знаешь пословицу: «со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ».

— Тянетъ тебя, я вижу, за границу-то.

— Не тянетъ, глупая, а докторъ въ новыя мѣста ѣхать велѣлъ. Какъ это онъ выразился, дай Богъ памяти...

— Да ты къ хорошему ли доктору-то заѣзжалъ? Можетъ, къ нѣмцу какому?

— Ну, вотъ! Къ Василью Сергѣичу ѣздилъ. Докторъ хорошій.

— Настоящій врачъ. И мнѣ сколько разъ помогалъ, и сестрицу чудесно пользовалъ.

— Ну, вотъ видишь. Какъ это онъ выразился-то... да!.. «Новизна, гово-

рить, впечатлѣній, иная природа, другіе люди принесутъ вамъ большую пользу...»

— Ну, пользы-то, положимъ, кромѣ расходовъ, никакой не привезешь.

— Меланхолію-то за границей оставлю.

— Всю только оставляй, домой ничего не привози. Ты куда же думаешь сейчасъ?

— И самъ, признаться сказать, не знаю. Все зависитъ отъ компаньона, котораго найду, потому одному ѣхать скучно.

— Компаньона только себѣ настоящаго выбирай, умнаго. А то съ дуракомъ, да въ чужихъ краяхъ, совсѣмъ пропадешь... Въ Парижъ ежели думаешь ѣхать, такъ я тебя не пущу: самый безпутный городъ во всемъ свѣтѣ.

— Да я въ Парижъ и не собираюсь. Такъ куда-нибудь... поблизости...

— Поблизости можешь, а насчетъ Парижа всякіе помыслы освавь. У Анны Петровны муженекъ-то съѣздилъ въ Парижъ, да пріѣхавши до-

мой, и завелъ себѣ изъ венгерскаго хору...

— Ну, ужъ тоже твоя Анна Петровна!.. У ней всѣ мужчины жулики...

— Все равно, въ Парижъ не пущу.

— Да не ѣду я, дура! Поблизости гдѣ-нибудь попутуюсь...

— И самое лучшее. И для меня успокоительнѣе: все-таки не такъ далеко заѣдешь... Вдругъ со мной что случится или приказчики запьютъ, дамъ тебѣ депешу—ты и пріѣдешь безъ промедленія.

— Это дѣйствительно хорошо: сѣлъ въ вагонъ и того... Надо подумать, чтобъ куда-нибудь поближе свою меланхолію свезть.

— Подумай, отецъ... мнѣ вѣдь твоихъ заграницъ не жалко, поѣзжай въ какія хочешь, а только все-таки пріятно, когда ты подъ руками-то будешь.

— И мнѣ тоже много пріятнѣе. Ну, я въ городъ поѣхалъ. Можетъ, какого-нибудь компаньона и сцапаю.

— Хорошаго только цапай то... умнаго... дурака возмешь, вездѣ пропадешь,—напутствовала супруга Петра Ивановича.

Петръ Ивановичъ одѣлся, покрестился на иконы и покати́лъ въ городъ.

Въ лавкѣ было «тихо». Пришли, правда, два-три покупателя, да и тѣ такія цѣны на товаръ стали ставить, что Петръ Ивановичъ хлопнулъ дверями и, спустя пять минутъ, очутился у Арсентьича.

— Петръ Ивановичъ, — окликнулъ его сидѣвшій за столомъ купецъ съ рыжеватой бородкой, — подсаживайся!

— Ивану Петровичу, — подошелъ къ бородкѣ Петръ Ивановичъ, — одинъ?

— Единственно, — отвѣтилъ тотъ, подвигаясь, — садись. Перекусишь?

— Да надо бы чего-нибудь... съ плохихъ дѣловъ, братъ, всегда какъ-то аппетитъ разыгрывается.

— Дѣла вездѣ, другъ, одинаковы... время такое, тихое, такъ сказать.

— Да ужъ насчетъ тишины — вотъ какая гладь, утюга не надо... Осетринку вкушаешь?

— Осетрину? по-моему, не вредна.

— А не вредна, и мы спросимъ. Эй, милый, распорядись-ка и мнѣ въ томъ же духѣ, — приказалъ онъ половому. —

Съ такихъ дѣловъ прямо изъ Москвы бѣжать надо... и докторъ то же самое говоритъ: бѣги, говоритъ, какъ можно дальше, а то въ тебѣ меланхолія заиграла.

— Мнѣ, другъ, докторъ точно такой же совѣтъ... бѣги, говоритъ, такъ сказать, отъ дѣловъ подальше... развлекись—и прочее.

— Вотъ, вотъ... мнѣ точно такія же слова... я ужъ нынче съ женой рѣшилъ...

— Удрать?

— Да. Жена-то у меня насчетъ подъема тяжела, такъ я теперь компаньона для веселости долженъ искать.

— Я тоже вотъ изъ-за компаньона сижу. Скажи, пожалуйста, какое совпаденіе: и тебя докторъ гонитъ, и меня! Вмѣстѣ, такъ сказать, и махнемъ... Не по нраву я, можетъ, тебѣ?

— Сказалъ тоже! Да лучшаго компаньона мнѣ и не найти. И характеръ у тебя этакой... семейный характеръ... и жена моя тебя за хорошаго человѣка считаетъ...

— Ну?

— Ей-ей. Такъ вмѣстѣ шаркнемъ? Руку!

— Изволь. Я, другъ, такъ сказать, тоже очень радъ. У тебя что докторъ-то нашель?

— У меня? Меланхолю. А у тебя?

— А у меня переутомленіе. «Заработались, говоритъ, милый человѣкъ, надо и передышку себѣ сдѣлать».

— И сдѣлаемъ. Ахъ, какъ это чудесно, право! У мена меланхолия, а у тебя передышка.

— Не передышка, а переутомленіе, такъ сказать.

— То-бишь, переутомленіе. Не выпить ли намъ по этому поводу портвейну? а?

— Можно. Я, главное, чему радъ: уѣхать надо, а не съ кѣмъ; поѣхалъ бы съ женой, кучу ребятъ на кого кинешь, такъ сказать?.. «Ищи, говоритъ, себѣ компаньона».

— Вотъ и моя то же: ищи, говоритъ, только умнаго... а ты, Иванъ Петровъ, умный...

— Дуракомъ пока, такъ сказать, никто не называлъ. Такъ махать?

— Махать! Безпремѣнно махать!